

Свен Линдквист

Уничтожьте всех дикарей

Travel Series

Свен Линдквист

Уничтожьте всех дикарей

«Паулсен»

1992

Линдквист С.

Уничтожьте всех дикарей / С. Линдквист — «Паулсен»,
1992 — (Travel Series)

ISBN 5-98797-005-9

«Уничтожьте всех дикарей» (1992) – путешествие по современной Африке вглубь ее «черной» истории: истории ее варварской колонизации европейскими державами. Вместе с Брюсом Чатвином и Клаудио Магрисом Свен Линдквист, «один из наиболее оригинальных и изобретательных авторов конца XX века», является первопроходцем трэвелога как жанра, сплавливающего воедино путешествие в пространстве и сквозь время.

ISBN 5-98797-005-9

© Линдквист С., 1992

© Паулсен, 1992

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
В Ин-Салах	7
Форпост прогресса	12
В Ксар Марабтин	23
Часть II	26
Боги оружия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Свен Линдквист

УНИЧТОЖЬТЕ ВСЕХ ДИКАРЕЙ

Utrota varenda jävel by Sven Lindqvist

© Sven Lindqvist, 1992

Published by arrangement with Agence litteraire Pierre Astier & Associes

ALL RIGHTS RESERVED

© Издательство «Европейские издания» 2007.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Олофу Лагеркранцу, путешествовавшему с «Сердцем тьмы», и
Этьену Глазеру, бывшему Адольфом в «Детстве Гитлера»*

*Все евреи и негры должны быть действительно уничтожены.
Мы будем победоносными. Остальные расы исчезнут и вымрут.
Белое арийское сопротивление, Швеция, 1991*

*Вы можете стереть нас с лица земли, но дети звезд никогда не
станут собаками.
Сомабулано, Родезия, 1896*

Предисловие

Перед вами рассказ, а не историческое исследование. Это история человека, едущего на автобусе через пустыню Сахару и в то же самое время странствующего при помощи компьютера по истории понятия «уничтожение». В скромных отелях, затерянных в песках, он увязает на одной фразе из «Сердца тьмы» Джозефа Конрада: «Уничтожьте всех дикарей».

Почему Куртц заканчивает свой доклад о цивилизаторской миссии белого человека в Африке именно этими словами? Что значили они для Конрада и его современников? Почему именно их Конрад выносит в резюме всех патетических речей об ответственности европейских наций перед народами других континентов?

Когда в 1949 году, в семнадцатилетнем возрасте, я впервые читал «Сердце тьмы», мне казалось, я знаю ответы на эти вопросы. В «черных тенях, истощенных голодом и болезнями» из Роши Смерти мой внутренний взор угадывал изнуренные фигуры тех, кто выжил в нацистских лагерях смерти, лишь несколько лет назад освобожденных союзниками. Для меня Конрад был пророком, провидевшим эти ужасы.

Ханна Арендт знала об этом больше моего. Она видела, что Конрад писал о геноциде своего времени. В своей первой книге, «Истоки тоталитаризма» (1951), она показала, что империализм нуждается в расизме как в единственно возможном оправдании своих действий. «У всякого прямо перед глазами находилось множество элементов, которые, будучи собраны воедино, могли выстроиться в тоталитарное правление на основе расизма».

Хорошо известен ее тезис о том, что нацизм и коммунизм имеют общую природу. Но она также считала (о чем многие предпочитают не помнить), что именно европейские империалисты ответственны за «успешное введение в обычную респектабельную внешнюю политику таких средств «умиротворения», как «массовые убийства» и «беспощадная резня», а поэтому и за возникновение тоталитаризма и геноцида. Первый том своего исследования «Холокост в историческом контексте» (1994) Стивен Т. Катц начинает доказательством «феноменологической уникальности» холокоста. Кое-где на семистах страницах книги он с презрением высказывается о тех, кто предпочитает заниматься поиском аналогий; но иногда он проявляет большую терпимость и говорит: «Их подход можно обозначить (безоценочно) как парадигму подобию, мой – как парадигму различия».

Как мне то представляется, два этих подхода являются равно обоснованными и взаимодополняющими. Мой путешественник по пустыне, исследующий парадигму подобию, обнаруживает, что некогда проводимое европейскими нациями уничтожение «низших рас» четырех континентов подготовило почву для уничтожения Гитлером шести миллионов евреев в Европе.

Конечно, каждый из случаев геноцида имеет свои уникальные черты. Однако для того, чтобы одно событие содействовало другому, они не обязаны быть тождественными. Захватническая экспансия европейских наций, сопровождавшаяся разработкой бесстыдной концепции уничтожения, задала те соответственные шаблоны мысли и те политические прецеденты, которые сделали возможными новые акты насилия, достигшие своей кульминации в наиболее ужасающем преступлении – холокосте.

Часть I

В Ин-Салах

1.

Тебе известно уже достаточно. И мне тоже. Нам не хватает не знаний. Нам не хватает смелости понять то, что мы знаем, и сделать выводы.

2.

Тадемаит, «пустыня пустынь», самый страшный район Сахары. Ни признака растительности. Жизнь почти вымерла. Земля покрыта черным блестящим лаком, который жара выдавливает из камня. Поездка на ночном автобусе, единственном между Эль-Голеа и Ин-Салах, занимает, если повезет, семь часов. Пробираясь к пустому сиденью, сталкиваешься примерно с полудюжиной солдат в грубых армейских ботинках, учившихся стоять строем на курсах по рукопашному бою алжирской армии в Сиди-бел-Аббе. Здесь тот, кто тащит у себя на плече квинтэссенцию европейской мысли, вогнанную в старенький компьютер, явно обречен на поражение.

На повороте к Тиммимуну через дырку в стене нам подают горячий картофельный суп и хлеб. Затем разбитая асфальтовая дорога заканчивается, и автобус продолжает ехать по бездорожью пустыни.

Начинается настоящее родео. Автобус ведет себя как полудикая лошадь. Окна дребезжат, рессоры скрипят, автобус спотыкается, бьется о землю, скачет вперед, и каждый такой толчок отдается в жестком диске моего персонального компьютера, что я держу у себя на коленях, а также в межпозвонковых дисках моей собственной спины. Когда сидеть больше невозможно, я встаю и держусь за багажную полку или сажусь вниз на корточки.

Этого я и боялся. Этого я и жаждал.

Ночь под луною невероятна. Час за часом, мимо перекатов белой пустыни: камень и песок, камень и гравий, гравий и песок – все мерцает как снег. Час за часом ничего не происходит, пока внезапно во тьме не вспыхивает сигнальная лампочка – знак того, что одному из пассажиров нужно остановить автобус, слезть и идти туда, прямо в пустыню.

Звук его шагов исчезает в песках. Он сам исчезает. Мы тоже исчезаем в белой тьме.

3.

Квинтэссенция европейской мысли? Да, есть одно такое предложение, простая короткая фраза, лишь несколько слов, суммирующих всю историю нашего континента, нашего человечества, нашей биосферы – от холоцена¹ до холокоста.

Эта фраза ничего не говорит о Европе как об истинном доме гуманизма, демократии и благосостояния на Земле. Она ничего не говорит обо всем том, чем весьма справедливо гордимся мы. Это просто та правда, которую мы предпочли бы забыть.

Я изучал эту фразу несколько лет. Я собрал кучу материала, проработать который никогда не хватало времени. И поэтому я захотел исчезнуть в этой пустыне, где никто не мог бы меня достать, где мне принадлежало бы все время мира, – исчезнуть и не возвращаться до тех пор, пока я не пойму то, что уже мне известно.

4.

Я выхожу в Ин-Салах.

Луна больше не блестит. Автобус забирает с собою весь свет и пропадает. Вокруг меня плотная тьма.

Именно здесь, неподалеку от Ин-Салах, был захвачен и ограблен шотландский исследователь Александр Гордон Лэнг. Пять сабельных ран на макушке и три на виске. Скуловая кость прорезала челюсть и раскроила ухо. Страшная рана на шее прорвала гортань, одна пуля засела в бедре, другая задела позвоночник, пять сабельных ударов на левом предплечье и руке, три пальца сломаны, кости на запястье перебиты и так далее.²

Где-то далеко во тьме виднеется огонь. Я волоку свой тяжелый компьютер и еще более тяжелый чемодан по направлению к огню.

Иду через гряды красного, рыхлого, переносимого ветром, песка, собирающегося в кучи на откосе. Я делаю десять шагов, затем еще десять. Огонь не становится ближе.

На Лэнга напали в январе 1825 года. Но у страха нет времени. В семнадцатом веке Томас Гоббс был напуган одиночеством, ночью и смертью не меньше, чем я сейчас. «Некоторые люди столь жестоки по природе, – сказал он своему другу Обри, – что находят такое наслаждение в убийстве человека, какое непозволительно даже при убийстве птицы».³

Огонь кажется таким же далеким. Не бросить ли мне компьютер и чемодан, чтобы было легче идти? Нет, я сажусь в пыль и принимаюсь ждать рассвета.

Там, внизу, у земли, легкий ветерок доносит запах горящего дерева.

Или запахи в пустыне столь сильны, что встречаются так редко? Или так усыхает здесь древесина, что горит более пахуче? Огонь, который казался столь далеким моим глазам, подобрался неожиданно близко к моему носу.

Я встаю и бреду дальше.

Наконец добираюсь до людей, сгрудившихся у костра, делаю это с чувством одержанной победы.

Здороваюсь. Спрашиваю. И в ответ узнаю, что иду совершенно не в ту сторону. Делать нечего, говорят они, надо повернуть обратно.

По своим же следам дохожу до места, где слез с автобуса, и ухожу на юг в ту же тьму.

5.

«Страх остается всегда, – говорит Конрад, – Человек может уничтожить в себе все – любовь и ненависть, веру и даже сомнение, но пока он держится за жизнь, он не может уничтожить страх».⁴

Гоббс бы с ним согласился. В этом смысле они пожимают друг другу руки, протянутые через века.

Почему я так много путешествую, если так ужасно боюсь путешествий?

Возможно, в страхе и опасности мы ищем более мощного восприятия жизни, более сильной, глубокой формы существования? Я боюсь, следовательно, я существую. И чем сильнее страх, тем весомее ощущается мое «я существую».

6.

В Ин-Салах только один отель. Большой дорогой государственный отель «Тидикельт». Когда наконец я до него добираюсь, он может предложить мне лишь маленькую темную ледяную комнату, где уже давно не работает отопление.

Здесь все, как и повсюду в отелях Сахары: запах сильной дезинфекции, скрип несмазанных дверных петель, полусорванные жалюзи. Такой же шаткий стол с его слишком короткой четвертой ножкой, и тонкий слой песка на столе, на подушке и на умывальнике. Такой же кран, который медленно капает водой только тогда, когда вывернешь вентиль до отказа, и сдается с усталым вздохом, нацедив стакан едва до половины. Кровать застлана в той военной манере,

которая вообще не учитывает в человеке наличие ступней, по крайней мере, если они не лежат в одной плоскости с телом; дабы не нарушить девственную немятость постели, постельное белье большей частью заправлено под матрас, так что одеяло едва доходит до пупка.

Ладно, человек имеет право путешествовать. Но зачем ему ехать именно сюда?

7.

...Звук тяжелых ударов дубинкой по горлу. Хруст, как у раздавливаемой скорлупы, а затем бульканье, когда жертва отчаянно пытается глотнуть немного воздуха...

Утро...

Я просыпаюсь все еще в уличной одежде. Постель красная от песка, который я принес с собою из автобуса.

...Дубинка все так же ломает шеи... Последний удар сокрушит мою.

8.

Отель врыт в зыбучие пески, он стоит у дороги, что тянется через пустынную равнину. Я с трудом бреду по глубокому песку. Солнце безжалостно печет. От его света глаза слепнут, как во тьме. Воздух трется о мое лицо, потрескивая, как тонкий лед.

До почты около получаса ходу, а оттуда столько же до рынка и банка. Старый город сбился в кучу, защищая себя от солнца и песчаных бурь. Новый же тонко размазан по поверхности, усугубляя своей современной планировкой пустынность Сахары.

Красновато-коричневые глиняные фасады городского центра оживляются белыми портиками и колоннами, шпицами и карнизами. Этот стиль называют суданским или черным, в честь «Bled es sudan», страны черных¹. На самом деле это полностью выдуманный стиль, он был создан французами для Всемирной выставки в Париже в 1900 году и затем завезен сюда, в Сахару. Современная часть города – международный стиль в сером бетоне.

Ветер дует с востока. Мое лицо все еще горит, когда я возвращаюсь в отель. Отель занят преимущественно водителями-дальнобойщиками и иностранцами... Их путь идет или «вверх», или «вниз», как по лестнице. Все расспрашивают друг друга о дороге, топливе, оборудовании, и каждый мысленно озабочен лишь тем, чтобы скорее двинуться дальше.

Я прилепил на стену карту скотчем и принялся разглядывать расстояния. До ближайшего оазиса на западе, Реггана, – 290 км. До оазиса на севере, Эль-Голеа, откуда я приехал, – 400 км дороги по пустыне. 500 км по прямой до Бордж Омар Дрисс, ближайшего оазиса на востоке. До Таманрассет, ближайшего оазиса на юге, – 660 км. 1000 км по прямой до Средиземного моря (самого близкого). 1500 км до моря на западе. А к востоку море так далеко, что вопрос о расстоянии уже неважен.

Всякий раз, когда я вижу эти расстояния, всякий раз, когда я понимаю, что я нахожусь именно здесь, в нулевой точке пустыни, волна радости проходит по моему телу. И именно поэтому я здесь.

9.

Только бы у меня получилось включить компьютер! Вопрос в том, пережил ли он тряску и пыль. У меня почти сотня дискет. Маленьких, не больше открытки. Целая библиотека в воздухонепроницаемых пакетиках. Вся она весит не больше книжки.

В любой момент я могу отправиться в любую точку истории уничтожения: от зари палеонтологии, когда Томас Джефферсон все еще считал непостижимым, чтобы хоть один вид мог пропасть из экономики Природы, до сегодняшнего понимания того, что 99,99 процента видов

¹ Bled es soudan – земли черных (араб.); суданское обозначение североафриканских территорий от Атлантики (включая Сахару и экваториальную зону) до Индийского океана.

вымерло, и большинство – в ходе нескольких массовых катастроф, стерших почти всю жизнь с лица земли.⁵

Вставляю пятидюймовую дискету в щель и включаю компьютер. Экран загорается, и фраза, так долго изучаемая мною, светится во тьме комнаты.

Слово «Европа» происходит от семитского слова и означает оно просто «тьму». ⁶ Та фраза, что сияет на экране – воистину европейская. Эта мысль прошла длинный путь, прежде чем на рубеже веков (1898–1899) ее наконец сформулировал польский писатель, который часто думал по-французски, но писал по-английски: Джозеф Конрад.

Куртц, главный герой конрадовского «Сердца тьмы», завершает свое эссе о цивилизаторских задачах белого человека среди африканских дикарей постскриптумом, в котором кратко резюмируется все содержание его высокопарной риторики.

И эта фраза светится на меня с экрана:

«Exterminate all the brutes» – «Уничтожьте всех дикарей».

10.

Латинское *extermino* означает «выводить за пределы», *terminus*, «изгонять, прогонять, исключать».

В шведском этому слову нет прямого эквивалента. На его месте шведы вынуждены употреблять *utrota*, хотя на самом деле это совсем другое слово, «искоренить», которое в английском передается *extirpate*, от латинского *stirps*, «корень, племя, семья».

И в английском, и в шведском объектами такого действия редко становятся отдельные индивиды, скорее – целые группы, такие как сорняки, крысы или люди. Выражение *all the brutes* переводилось бы на старошведский как «всех диких зверей». Действительно, слово *brute* вполне может означать «дикий зверь». Оно означает животное и подчеркивает в нем самое звериное.

Африканцев называли «животными» с самых первых встреч с ними, когда европейцы описывали их как «грубых и скотоподобных», «похожих на диких зверей», «более звероподобных, чем те звери, на которых они охотятся».⁷

В соответствии с современным переводом слово *brute* имеет также смысл ругательства – «скотина». Я хочу сохранить первоначальный «брутальный» смысл этой фразы и переведу её так: «уничтожить всех скотов».

11.

Несколько лет назад я было решил, что обнаружил источник конрадовской фразы у великого либерального философа Герберта Спенсера.

В своей «Социальной статистике» (1850) он пишет, что заслугой империализма перед цивилизацией является то, что тот стер низшие расы с лица земли. «Силы, трудящиеся над осуществлением великой схемы совершенного счастья, не принимают во внимание отдельные случаи страдания и уничтожают ту часть человечества, которая стоит на их пути... Будь он человеком или зверем-дикарем – препятствие должно быть устранено».⁸

Здесь мы находим и цивилизаторскую риторику Куртца, и два ключевых слова *уничтожить* и *дикарь* (*exterminate* и *brute*); человеческое же существо недвусмысленно ставится на один уровень с животным в качестве объекта уничтожения.

Мне казалось, я сделал скромное, но изящное академическое открытие, достойное того, чтобы всплыть однажды короткой сноской в истории литературы: «объяснение» фразы Куртца спенсеровскими фантазиями об уничтожении. Последние же, в свою очередь, как я думал, являлись частными причудами, вероятно, объяснимыми тем фактом, что все братья и сестры Спенсера умерли, когда он был еще ребенком. Безмятежное и успокаивающее умозаключение.

12.

Если бы я на этом остановился, полагая, что знаю уже достаточно, я бы допустил ошибку. Но я продолжал.

Вскоре выяснилось, что Спенсер был вовсе не одинок в этой своей интерпретации. Она была довольно расхожей, а во второй половине XIX века стала вполне обычной, так что немецкий философ Эдуард фон Гартманн во втором томе своей «Философии бессознательного», который Конрад читал в английском переводе, мог написать следующее: «Искусственно продлевая предсмертные конвульсии дикарей, находящихся на грани вымирания, мы оказываем их человеческой природе не большую услугу, чем собаке, желая удружить которой, мы, вместо того чтобы отрубить ей хвост разом, отрезаем его постепенно, дюйм за дюймом. Настоящий гуманист не может не желать ускорить вымирание диких народов и не содействовать этой цели.⁹

В то время эта выраженная здесь словами Гартманна точка зрения была едва ли не общим местом. Причем ни ему, ни Спенсеру лично не было присуще никакого человеконенавистничества. А вот Европе, в которой они жили, – да.

Фраза «уничтожить всех скотов» находится не дальше от центра гуманизма, чем Бухенвальд от дома Гёте в Веймаре. Эта теория оказалась практически полностью вытесненной, в том числе самими немцами, которых сделали единственно ответственными за идеи уничтожения, которые на самом деле являются общеевропейским наследием.

13.

От немецких путешественников по пустыне до меня время от времени доносятся отголоски споров о живом прошлом, которые и сегодня продолжаются в Германии. Этот так называемый *Historikerstreit*, «спор историков», разворачивается вокруг вопроса, «следует ли считать нацистское уничтожение евреев уникальным, единственным в своем роде, или нет?».

Немецкий историк Эрнст Нольте представил «так называемое уничтожение евреев Третьим Рейхом» «ответным действием или искаженной копией, но не оригиналом». Согласно Нольте, оригиналом было уничтожение кулаков в Советском Союзе и сталинские чистки 1930-х гг. Именно их копировал Гитлер.

Сегодня идея о том, что уничтожение кулаков послужило *причиной* уничтожения евреев, насколько можно судить, не находит поддержки; многие исследователи подчеркивают то обстоятельство, что все исторические события являются уникальными и не выступают копиями друг друга. Но сравнение между ними возможно. Так, высвечиваются общие черты и различия между уничтожением евреев и другими случаями массового убийства, начиная с геноцида армян в начале 1900-х гг. вплоть до более недавних зверств Пол Пота.

Однако в этих дебатах никто почему-то не упоминает об уничтожении народа хереро на юго-западе Африки, совершенном немцами в то время, когда Гитлер был еще ребенком. Никто не указывает на такие же случаи геноцида, осуществленного французами, британцами или американцами. Никто не обращает внимания на то, что в то время, когда Гитлер был ребенком, основной составляющей европейского взгляда на человечество было убеждение в том, что «низшие расы» самой природой обречены на вымирание, так что истинное сострадание со стороны высших рас по отношению к ним должно было бы состоять в ускорении этого конца.

Взоры немецких историков, участвующих в этом «споре», похоже, устремлены в одном направлении. Никто и не взглянет на Запад. В отличие от Гитлера. Ведь когда Гитлер искал свое *Lebensraum* на Востоке, он хотел создать не что иное, как континентальный эквивалент Британской Империи. И именно у британцев и у других западноевропейских наций он обнаружил те оригиналы, чьей «искаженной копией», словами Нольте, стало уничтожение евреев.¹⁰

Форпост прогресса

«Exterminating all the niggers»²

14.

22 июня 1897 года, года рождения в Германии идеи «жизненного пространства» (*Lebensraum*), экспансионистская политика Британии достигла зенита.¹¹ Величайшая империя в мировой истории с беспримерным высокомерием славилась саму себя.

Представители всех народов с территорий, покоренных британцами (почти четверти планеты) собрались в Лондоне, чтобы высказать свое почтение королеве Виктории по случаю шестидесятой годовщины ее восхождения на трон.¹²

В то время издавался журнал под названием «Космополис», ориентированный на круг образованных читателей по всей Европе и публиковавший материалы на немецком, французском и английском языках без перевода.

Этому кругу образованных европейских читателей королева Виктория преподносилась как соравная Дарию, Александру Великому и Августу, хотя ни один из этих императоров древности не мог похвастаться столь же обширными владениями.

Ее империя выросла на 3,5 миллиона квадратных миль и сто пятьдесят миллионов человек. Она догнала и перегнала Китай, который с его четырьмястами миллионами доселе считался наиболее населенной страной в мире.

Представляется, сетовал журнал, что другие европейские сверхдержавы не вполне осознают военную мощь Британской империи. Боевой дух и воинский инстинкт британцев беспрецедентны по сравнению с представителями других наций. Что же касается военно-морского флота, то империя не просто сильнее – она стала полной владычицей морей.

При всем этом британцы не поддаются головокружению от успехов и помнят, что эти достижения – исторически, наверное, несопоставимые ни с какими другими – стали возможны исключительно благодаря благоволению и высшему покровительству Всемогущего Бога.

И конечно же нужно воздать должное личности самой Королевы. Вряд ли возможно с научной точностью измерить моральную мощь Ее характера, но очевидно, что влияние Ее было огромно.

«Сегодняшняя церемония, – высказывается комментатор, – знаменует собой, по мнению британцев, много большее, чем любой триумф, который праздновался доселе: большую жизнеспособность нации, большее развитие торговли, большее преодоление дикости, большее подавление варварства, больший мир, большую свободу. И это не риторика, это – статистика...»

«Британская нация, кажется, со всей серьезностью желает осознать всю свою мощь, весь свой колонизаторский успех, все свое витальное единство и территориальное всеприсутствие, дабы прославить в этом саму себя».

«Раздаются возгласы: никогда еще мы не были такими сильными! Так дадим же понять всему миру, что и в будущем мы не станем слабее».

Голоса франко- и немецкоязычных авторов «Космополиса» присоединяются к общему хору ликования. И поэтому рассказ, открывавший номер журнала, посвященный юбилею, вызвал беспрецедентный шоковый эффект.

15.

То была история о двух европейцах, Кэйертсе и Карлье, брошенных циничным управляющим компании на небольшом торговом посту у берега великой реки.

² «Уничтожая всех ниггеров» (англ.)

Их единственное чтение – пожелтевшая газета, на страницах которой высокопарным языком прославляется «наша колониальная экспансия». Как и в самом юбилейном номере «Космополиса», колонии представляются местом священного долга на службе у Цивилизации. В газетной статье восхваляются заслуги тех, кто несет свет, веру и торговлю в «темные уголки» Земли.

Поначалу два компаньона верят в эти прекрасные слова. Но постепенно они обнаруживают, что слова – это не больше чем «звуки». И эти звуки утрачивают свое содержание вне общества, создавшего их. Покуда полисмен дежурит на перекрестке, покуда еду можно купить в магазине, покуда за тобой наблюдает широкая публика – эти звуки складываются в моральность. Сознательность предполагает общественность.

Уже вскоре Кэйертс и Карлье оказываются готовы участвовать в работоторговле и массовом убийстве. Когда припасы истощаются, они готовы подраться из-за куска сахара. Кэйертс спасается бегством, будучи уверенным, что Карлье гонится за ним с ружьем. Затем они внезапно сталкиваются и Кэйертс из самообороны стреляет, и лишь потом понимает, что, запаниковав, прикончил безоружного человека.

Но что с того? Ведь такие понятия, как «добродетель» и «преступление», – это просто звуки. «Ежедневно люди умирают тысячами, – думает Кэйертс, сидя возле трупа своего компаньона, – возможно, даже сотнями тысяч – кто знает? Одним больше, одним меньше – какая разница, по крайней мере для мыслящего существа».

А он, Кэйертс, – мыслящее существо. До сих пор он, как и все человечество, жил с верой в кучу белиберды. Теперь же он знает и делает выводы из того, что он знает.

Когда приходит утро, пелену тумана пронзает нечеловеческий, вибрирующий свист. Прибывает пароход компании, которого долгие месяцы ждали наши торговые агенты.

Директор великой Цивилизаторской компании сходит на берег и обнаруживает Кэйертса, повесившегося на могильном кресте своего предшественника. Кажется, что он висит в положении «смирно», но даже и в смерти указывает вывалившимся языком в сторону управляющего.

16.

И не только в сторону управляющего. Раздувшийся черный язык Кэйертса вывалился на все праздничные материалы юбилейного номера, публикуемые в колонках, обрамляющих рассказ; на всю победоносную имперскую идеологию.

Естественно, «Форпост цивилизации» Джозефа Конрада, будучи впервые опубликованным в «Космополисе», не мог не восприниматься как своего рода комментарий к викторианским торжествам. Однако сам рассказ был написан годом раньше, в июле 1896 г., во время медового месяца, проведенного Конрадом в Бретани. Это был один из его самых первых коротких рассказов.

Материал для нее он почерпнул в период пребывания в Конго. Сам он тогда плывал вверх по реке на одном из пароходов компании, повидал немало прибрежных торговых постов и услышал от пассажиров немало историй. Среди этих пассажиров был один по имени Кэйертс.¹³

Этот материал был в руках Конрада уже не меньше шести лет. Почему же именно теперь он решается написать свой рассказ? Ведь полемика по Конго начнется позже, лишь через шесть лет, в 1903 г. Что же случилось в июле 1896 г., что заставило Конрада прервать медовый месяц, оторваться от написания романа, которым был полностью захвачен, и вместо этого приняться за рассказ о Конго?

17.

Я переехал. Теперь я снимаю дешевую комнату в уже закрывшемся отеле «Баджуда», что напротив рынка, и обедаю в ресторане «Друзья Бен Хачема Мулэя». В сумерках я усаживаюсь под деревьями на главной улице, пью кофе с молоком и наблюдаю за прохожими.

Около ста лет назад рынок в Ин-Салах был самым оживленным местом во всей Сахаре. Рабов с юга здесь обменивали на зерно, финики и промышленные товары с севера. Рабов даже не нужно было держать под надзором: побег из Ин-Салах означал верную гибель в пустыне. А тех немногих, кто все же отваживался на подобное, легко отлавливали и наказывали. Им давили яички, подрезали ахилловы сухожилия и потом бросали умирать.

Сегодня на этом некогда знаменитом рынке можно найти лишь немного завозных овощей, увядших еще до прибытия, и ткани шодди, выкрашенные в кричаще яркие, диссонирующие цвета. Что касается литературного предложения, то оно состоит из вторых частей таких шедевров классической литературы, как «Дон Кихот» и книжки Мадам де Сталь о Германии. Вероятно, первые части были отвезены в какой-нибудь другой оазис, ибо несправедливо отдавать одному оазису сразу обе части столь нужных книг.

Единственная интересная вещь, которую и вправду можно найти на рынке, это древесные окаменелости, останки гигантских деревьев, что умерли миллионы лет назад и были погребены под песком. Силиконовая кислота превратила древесину в камень; затем песок отступил, эти камни были обнаружены и привезены на рынок.

По закону запрещается собирать куски окаменелой древесины крупнее сжатого кулака. Но и в кулаке с избытком хватает места для бывших зеленых лесов Сахары. Мой кусочек стоит прямо на столе, обманчиво напоминая живое дерево, наполненное ароматом мокрых от дождя листьев и шелестом пышной кроны.

18.

Когда я был маленьким, отец, приходя домой с работы, первым делом шел навестить бабушку.

Матери это не нравилось, каждый раз она чувствовала себя преданной.

Эта любовь между сыном и матерью, была ли она реальнее и сильнее, чем та, что соединяла жену и мужа? Отец был бабушкиным любимцем, сыном, которого она носила, когда умер муж, сыном, которого она родила одна. И отец, никогда не видевший своего отца, отдал ей всю свою любовь.

Мать это чувствовала. И я тоже. Я и сам больше всего любил бабушку. В ее бессилии старой женщины я узнавал собственное бессилие ребенка.

Бабушка пахла. Сильный кисло-сладкий запах шел из ее комнаты и от ее тела. Мать ненавидела этот запах, в особенности за столом, и бабушка это знала. Она ела на кухне.

Время от времени мать устраивала набеги на бабушкину комнату, стараясь уничтожить первоисточник запаха. Однако все попытки были заранее обречены: запах шел от самой бабушки. И тем не менее каждый раз мать «вычищала весь тот мусор, что бабушка там у себя собрала», и выбрасывала его, чтобы избавиться от запаха.

Отец не мог защитить бабушку. В конце концов, она и вправду пахла. Он не мог отрицать ни что запах есть, ни что запах означает грязь, ни что грязь надо удалять. Логика была бесспорной. Отец мог только отсрочить и смягчить меры, когда бабушка со слезами молила о пощаде. Все остальное должен был делать я.

Бабушка была единственной швеей в нашей семье, и в куле под постелью она хранила целую библиотеку материалов: лоскутки и обрезки ткани, которые она называла «остаточками». Когда я был маленьким, то обожал играть с этими тряпками. Из отцовской ночной рубашки в полоску я смастерил мужчину, а из материнской розовой шелковой блузки – женщину. Бабушка мне помогала. Вместе мы мастерили и людей, и животных.

Так что я отлично понимал, в какое отчаяние приходила бабушка, когда весь этот «мусор» надо было выкинуть. Старанья моей матери содержать дом в чистоте казались мне бессердечной дикостью и были в точности похожи на те, что и мне самому приходилось от нее

терпеть. Так что я тщательно обследовал мусорный бак в поисках бабушкиного добра и прятал его у себя, пока опасность не минует.

Таким образом я спас и пожелтевшую книгу под названием «В тени пальм».

19.

В доме моего детства полки были устроены так, что книги без переплета ставились на левую сторону книжного шкафа, книги с матерчатой обложкой в центре, а книги в полукожаном переплете – справа.

Книги расставлялись так из-за посторонних. «Посторонними» назывались все, кто не были членами семьи. Если посторонний стоял в дверях, то ему было видно лишь малую часть книжного шкафа, и тогда он мог решить, что и все остальные книжки в шкафу – полукожаные с золотыми буквами на спинах. Если общество проходило чуть дальше, оно могло бы подумать, что все книги были хотя бы с переплетом. И только если гости входили в комнату полностью, они могли разглядеть непереплетенные книги далеко налево.

Среди полукожаных книг была одна, которая называлась «Три года в Конго». В ней шведские офицеры рассказывали о случаях, происходивших с ними на службе короля Леопольда.

Опытный путешественник по Африке советовал лейтенанту Пагелю выбрать себе в дружья *chicotte*, кнут из сырой кожи гиппопотама, «который каждым ударом вырезает на теле кровавые руны».

Для слуха европейца это может прозвучать жестоко, но он, Пагель, знает по собственному опыту, что это необходимо. В особенности важно казаться холодно безучастным, когда осуществляешь порку: «если надо назначить телесное наказание дикарю, отправляйте это наказание так, чтобы ни единым мускулом лица не выдать ваших чувств».

Лейтенант Глееруп рассказывает в своем докладе, как он порол своих носильщиков, пока не упал в обморок в приступе лихорадки, и как нежно только что избитые им люди несли его, прикрывая своими белыми одеждами, и ухаживали за ним, как за ребенком. О том, как он лежал головой на коленях одного из мужчин, а другой бежал вниз по откосу в долину, чтобы принести воды, и как он вскоре выздоровел и снова смог орудовать кнутом.

Но только отдельные черные вели себя подобным образом. Полной противоположностью тому был «дикарь вообще».

Пагель тщетно пытался найти хоть одну хорошую черту в дикаре. «Будь я на пороге смерти, и одного стакана воды хватило бы, чтобы спасти мне жизнь, ни один дикарь не принес бы его мне, если бы я не смог отплатить ему за труды».

Мораль, любовь, дружба – всех этих вещей не существует для дикаря, говорит Пагель. Дикарь не уважает ничего, кроме грубой силы. Он считает дружелюбность глупостью. Так что дикарям нельзя выказывать никакого дружелюбия.

Чтобы великая цивилизаторская миссия могла увенчаться успехом, молодому Государству Конго предстоит сделать колоссально много, говорит Пагель, призывающий благословение Божье на благородного, жертвенного друга человечества, великодушного принца, правителя Конго, Его Величество Леопольда II, вдохновителя всех начинаний.

30 сентября 1886 г. доклады этих трех офицеров были зачитаны перед шведским антропологическим и географическим обществом в банкетном зале Гранд-отеля, в присутствии Его Величества Короля, Его Высочества Кронпринца, и Их Высочеств великих герцогов Готландского, Вестергётландского и Нерикского.

Никто не высказал никаких возражений. Наоборот. Председатель общества профессор барон фон Дюбен заявил: «С гордостью мы слышим, что господа путешественники по Конго в тяжких трудах, сражениях и лишениях этой негостеприимной страны смогли не уронить высокое имя шведа».

Такова была правда кожаных книг, занимавших видную часть шкафа. Но среди неплетенных книг в углу была другая правда, та, которая пахла бабушкой.

20.

До 1966 г. шведские родители имели законное право пороть своих детей. Во многих европейских странах это право все еще сохраняется. Даже сегодня во Франции можно купить специальный кожаный хлыст для наказания жен и детей, называемый французами *martinet* – *стриж*. Он состоит из девяти прочных кожаных ремешков и поэтому по-шведски называется «девятихвостым котом».

В доме моих родителей применялись березовые розги. В исключительных случаях мать срезала ивовые побеги. Она брала меня с собою в лес. Ее лицо тогда было именно таким, как и советовал Пагель, ни единым мускулом оно не выдавало ее чувств.

Я избегал ее взгляда и смотрел вниз на свои черные резиновые сапоги. Мы отправлялись на старую спортивную площадку, где на краю леса росли ивы. Мать срезала один побег за другим и проверяла их, делая в воздухе несколько свистящих взмахов. Затем она отдавала их мне. Я нес их всю дорогу домой, преисполненный одной лишь мыслью: только бы нас никто не увидел!

Стыд был худшим наказанием.

И ожидание.

Целый день проходил в ожидании, пока не вернется домой отец. Когда отец возвращался, он еще ничего не знал. Я видел это по его лицу, которое было таким же, как обычно. Он собирался идти к бабушке, когда мать останавливала его и рассказывала о том ужасном, что произошло.

В тот вечер меня отправили в постель. Я лежал там и ждал, пока они говорили между собою. Я знал, *что* они говорят обо мне.

Затем они вошли в комнату, лица у обоих были холодными, пустыми и враждебными. Мать держала розги, отец спросил – правда ли то, что ему рассказали. Правда ли, что я так плохо себя вел на рождественском празднике? Ругался дурными словами? Богохульствовал и упоминал Имя Божье всуе?

«Да», – выдохнул я.

Перед глазами еще стоял испуганный восторг девочек, я все еще чувствовал теплое сияние превосходства, исходившее от меня, когда сидя на вечеринке, окруженный восхищенными друзьями, я произносил запретные слова – они отдавались во мне и теперь, когда отец взял розгу и начал меня пороть. «Херов зассанец, херов засранец, чертова херова ссыкунья... чертов, чертов, чертов...»

В отличие от матери, отец не копил в себе раздражение весь день, поэтому он начинал холодно, и сначала могло показаться, что он выполняет это «телесное наказание», как выражается Пагель, лишь с огромной неохотой.

Я не видел его лица, пока он меня бил, и он не видел моего. Но по тому, как он дышал, я слышал, что с ним что-то случается в тот момент, когда он переходит порог насилия.

Мне казалось, ему было стыдно причинять мне такую боль, и стыд переходил в ярость, которая заставляла его ударять сильнее, чем он хотел. Но возможно, то был мой собственный стыд, который я ошибочно читал в его действиях.

Но я точно знал одно – что людей охватывает своего рода безумие, когда они переходят к насилию... Насилие захватывает, трансформирует, делает их – даже после того как все кончено – неузнаваемыми.

21.

Спасенная мною книга, «В тени пальм» (1907), была написана миссионером Эдвардом Вильхелмом Шёблумом. Он прибыл в Конго 31 июля 1892 г. 20 августа он впервые увидел там труп.

На страницах его дневника мы читаем, как он путешествует на пароходе вверх по реке Конго в поисках подходящего места для миссии. В первый же день своего пребывания на борту он становится свидетелем порки с применением кнута из гиппопотамовой кожи (того самого, который столь настоятельно рекомендует лейтенант Пагель). В этом вопросе среди белых мужчин на борту царит полное единодушие: «Черного может цивилизовать только кнут».

В католической миссии содержатся три сотни подростков, захваченных в плен во время войны между туземцами и государством. Теперь их передадут государству и будут воспитывать из них солдат.

Отплытие парохода откладывается до поимки одного из них. Подростка находят и привязывают к паровой машине, к самому раскаленному ее месту. Шёблум пишет:

– Капитан часто показывал пареньку *chicotte*, но выжидал целый день, прежде чем дать ее отведать.

И вот наступает момент страдания. Я пытался сосчитать удары и думаю, что их было около шестидесяти, вдобавок к тому наказуемый получал пинки в голову и в спину. Капитан удовлетворенно улыбался, увидев, что скудная одежда парня полностью пропиталась кровью. Брошенный на деке несчастный извивался в мучениях, как червь, и каждый раз, когда капитан или кто-нибудь из торговых агентов проходили мимо, жертва получала очередной пинок или сразу несколько... Я же должен был наблюдать за всем этим в молчании.

За ужином они хвалились своими подвигами в обращении с черными. Они вспоминали о человеке, который однажды до смерти заporол троих. Говорили об этом как о героическом поступке. Один из них сказал: «И лучшие из них недостаточно хороши, чтобы умереть как свиньи».

22.

Бабушка так никогда и не получила назад свою книгу. Я сохранил ее там, где и полагалось, хорошенько запрятав в угол для переплетенных книг.

23.

Как бы отреагировал Пагель, если бы он вернулся и смог увидеть то, что видел Шёблум?

Возможно, ответ мы найдем в дневнике И. Дж. Глэйва.¹⁴ Здесь мы не услышим мягких интонаций голоса миссионера. С самого начала Глэйв убежден в том, что к туземцам следует относиться «с предельной жесткостью» и что следует нападать на их деревни, «если они не хотят работать на благо страны».

«Заставлять их работать – не преступление, но проявление доброты... Применяемые меры суровы, но с туземцем не справишься путем одних уговоров; им необходимо управлять посредством силы».

Это была исходная позиция Глэйва. Он был старый ветеран Конго, один из первых, кто служил у Стенли. Но когда он возвращается в Конго в январе 1895 г., он сталкивается с такой жестокостью, которая возмущает даже его. Последний удар его лояльности наносят сцены пыток, очень схожие с теми, свидетелем которых пришлось быть Шёблumu.

«*Chicotte* из сырой гиппопотамовой кожи, скрученной на манер штопора, с острыми, как лезвие ножа, краями, – ужасное оружие, несколько ударов такой плетью разрывает кожу до крови. Не следует наказывать более чем 25 ударами *chicotte*, если только провинность не является очень серьезной».

Хотя мы и убедили себя в том, что кожа африканцев очень толстая, наказуемый должен обладать чрезвычайными физическими данными, чтобы выдержать ужасное наказание в сто

ударов; обычно жертва впадает в бесчувствие после 25 или 30. После первого удара наказуемый истошно кричит; затем затихает и лишь стенает, трепеща всем телом до тех пор, пока экзекуция не кончается...

Порка мужчин достаточно ужасна, но гораздо хуже, когда наказанию подвергаются женщины и дети. Вспыльчивые и раздражительные хозяева зачастую наиболее жестоко третируют маленьких мальчиков 10–12 лет... Я глубоко убежден, что сто ударов плетью если не убьют человека, то сокрушат его дух навсегда».

24.

Для Глэйва, как и для Шёблума, это было поворотным пунктом. После этой записи в дневнике он становится все более и более критичным по отношению к режиму.

В начале марта 1895 г. Глэйв приезжает в Экватор, станцию, на которой Шёблум служит миссионером и которую сам Глэйв некогда помог основать.

«Раньше с туземцами обращались хорошо – пишет он, – но теперь экспедиции отправляются повсюду, а туземцев заставляют добывать каучук и доставлять его на станции. Государство проводит эту зловещую политику, чтобы обеспечить прибыль.

Война ведется по всей округе Экватора, тысячи людей убиты, а дома разрушены. В старые времена, когда у белых вовсе не было сил, это было необходимо. Теперь же посредством такой насильственной «торговли» просто истребляется население страны».

Так же, как и Шёблум, Глэйв отправляется в путь на пароходе, загруженном маленькими мальчиками, предназначенными для солдатской муштры:

«Отплыли из Экватора сегодня утром около одиннадцати по принятию на борт груза из сотни маленьких рабов, главным образом 7-8-летних мальчиков и до полного счета нескольких девочек, похищенных у туземцев.

И они говорят о филантропии и цивилизации! Куда же это все пропало?

Покуда мы спускаемся вниз по реке, многие из рабов, так называемых *libérés*, умирают из-за нехватки одежды, сна и медицинской помощи. Большая часть этих детей совершенно голые и не защищены от ночного холода. Провинность же их состоит в том, что их отцы и братья посмели бороться за малую толику независимости».

Но по завершении своего путешествия, когда Глэйв оказывается среди бельгийцев и соотечественников, он поддается групповому давлению и умеряет свой критицизм. Его конечное суждение мягко: «Не следует слишком поспешно и слишком жестко осуждать молодое Государство Конго. Оно сделало страну открытой, создало какую-то администрацию и оттеснило арабов. Но верно и то, что его методы по ведению коммерческих дел необходимо исправить».

Тот же самый вывод делает управляющий в отношении Куртца в «Сердце тьмы»: его методы торговли нехороши и не должны применяться.

25.

Во время своей миссионерской работы Шёблум вступает в гораздо более тесные контакты с туземцами, чем Глэйв. День за днем он записывает все новые случаи необоснованных убийств.

1 февраля 1895 г. его проповедь прерывает солдат, который хватает одного старика, обвиняя его в том, что тот не собрал достаточно каучука. Шёблум просит солдата подождать до окончания службы. Но солдат просто оттаскивает старика немного в сторону, приставляет дуло ружья к его виску и стреляет. Шёблум пишет:

«Солдат приказывает маленькому мальчику, лет девяти, отрезать у старика руку, которая вместе с другими руками, добытыми ранее таким же образом, на следующий день будет вручена спецуполномоченному в качестве знака победы цивилизации.

О, если бы цивилизованный мир только узнал о том, как убивают сотни и даже тысячи, как уничтожаются деревни и как еще живые туземцы вынуждены владеть свою жизнь в ужасающем рабстве...»

26.

В 1887 г. шотландскому хирургу Дж. Б. Данлопу приходит в голову идея оборудовать велосипед своего младшего сына надувной каучуковой камерой. Велосипедная шина патентуется в 1888 г. За несколько последующих лет спрос на каучук увеличивается в несколько раз. Таково объяснение ужесточения режима в Конго, о котором размышляют в своих дневниках Шёблум и Глэйв.

29 сентября 1891 г. бельгийский король Леопольд II издал указ, наделявший его представителей в Конго монополией на «торговлю» каучуком и слоновой костью. Согласно тому же указу туземцы были обязаны поставлять и каучук, и рабочую силу для его сбора, что на деле означало: в торговле с ними необходимости больше нет.¹⁵

Представители Леопольда просто реквизируют у туземцев плоды их труда, каучук и слоновую кость, без какой бы то ни было оплаты. Деревни тех, кто отказывался подчиниться, сжигали, их детей убивали, а руки – отрезали.

Первоначально использование подобных методов привело к резкому скачку в прибыльности. Поступления, среди прочего, направлялись на постройку ряда отвратительных монументов, до сих пор обезображивающих Брюссель: *Arcades du Cinquantenaire*, *Palais de Laeken*, *Château d'Ardennes*. И лишь немногие сегодня помнят, во сколько отрезанных рук обошлись эти сооружения.

В середине 1890-х мрачные подробности добычи каучука все еще оставались тайной. О ней мог бы поведать Глэйв, но он умер в 1895 г. в Матади. Лишь Шёблум и некоторые из его коллег знали о том, что происходит, и поднимали свой голос против террора. Но их попытки донести свое возмущение до высоких инстанций оказались напрасными. Используя последнее средство, они решили обратиться к мировому сообществу.

Шёблум писал гневные, фактографически обоснованные статьи в шведскую баптистскую газету «*Weckoposten*». Он писал также доклады на английском и отсылал их в Лондон из миссии Балоло в Конго.¹⁶

Результатом стал небольшой, едва заметный комментарий на страницах ежемесячного журнала общества миссии «Дальние края» (*Regions Beyond*): «Очень серьезные волнения среди туземцев из-за насильственной торговли каучуком привели к кровопролитию в нескольких районах. Начато юридическое расследование в связи с обвинениями, выдвинутыми против администрации Свободного Государства в Экватор-вилле. Но просто расследования недостаточно – мы требуем, чтобы ситуация была исправлена. Вопрос здесь заключается в том, как достичь этого, не делая публичного разоблачения?»¹⁷

27.

Эта заметка была предназначена для тех, кто умел читать между строк. Чарльз Дилк умел. Он был бывшим правительственным чиновником и членом Комитета по делам защиты аборигенов. Недвусмысленно ссылаясь на это короткое сообщение в «*Regions Beyond*», он поднимает вопрос о положении в Конго и пишет острую статью под названием «Цивилизация в Африке».¹⁸

Эта статья была первым знаком того, что ответственные круги Великобритании приняли к сведению сообщения миссионеров. Чтобы донести ее до европейской читательской аудитории, она была напечатана в только что основанном журнале «Космополис» в июле 1896 г., в

тот самый месяц, когда Конрад написал «Форпост цивилизации» и отдал его на рассмотрение в редакцию того же «Космополиса».

Прошло десять лет после ратификации Берлинского договора, создавшего Государство Конго, пишет Дилк. Декларации, звучавшие в Брюсселе и Берлине, обернулись «грабительской добычей слоновой кости, поджогами деревень, массовыми телесными наказаниями и расстрелами, происходящими сегодня в самом сердце Африки».

В рассказе Конрада именно эти торжественные декларации из пожелтевшей газеты принимают зримую форму: грабежа слоновой кости, работорговли и убийств.

«Старые формы правления сокрушены, новых же на их месте так и не создано, – пишет Дилк. – Просторы Африки столь необъятны, климат же и одиночество для европейцев столь непереносимы, что от европейского правления там не стоит ждать ничего путного».

В повествовании Конрада именно удаленность, климат и одиночество сокрушают двух европейцев. Прежде всего одиночество, говорит Конрад, поскольку оно также питает чувство внутренней оставленности: они утрачивают нечто, что ранее «препятствовало проникновению дикости в их сердца».

Но что это? Не что иное, как «образы дома, воспоминания о людях, подобных им, о людях, кто думает и чувствует так же, как некогда думали и чувствовали они, людях, теряющихся вдаль, утрачивающих свои черты под ослепительным сиянием солнца, не ведающего облаков».

Одиночество вытравило из них общество и оставило наедине со страхом, подозрением, насилием.

«За счет налогов на землю в Африке невозможно содержать администрацию такого же качественного уровня, как в Индии, – пишет Дилк. – Даже демократические правительства иногда обманываются, доверяя ответственность чистым авантюристам. Однако ситуация намного хуже, когда Компания Нигера и Государство Конго управляют многочисленным населением на огромных территориях совершенно без контроля со стороны общественного мнения».

Два конрадовских изгоя добывают слоновую кость посредством работорговли. «Кто узнает об этом, если мы будем держать язык за зубами? Ведь здесь никого нет». И как раз в этом коренится проблема, говорит рассказчик. Когда вокруг никого нет и ты «оставлен наедине со своей собственной слабостью», можно дойти до чего угодно.

Статья Дилка напоминает читателям о том, на что может пойти человек в ситуациях такого рода. Она указывает на уничтожение американских индейцев в США, готтентотов в Южной Африке, обитателей островов Южного моря и австралийских аборигенов. Подобное уничтожение происходит и в Конго.

Эту же тему можно найти и в рассказе Конрада. В нем Карлье говорит, что необходимо «уничтожить всех ниггеров» («exterminating all the niggers»), чтобы наконец сделать страну годной для проживания.

Статья Дилка выступает наброском рассказа Конрада, который, в свою очередь, оказывается наброском к публикуемому двумя годами позднее «Сердцу тьмы». Слова Карлье об «уничтожении всех ниггеров» являются первым вариантом фразы Куртца: «Уничтожьте всех дикарей».

28.

В мае 1897 г. Шёблум самолично отправляется в Лондон и, несмотря на тяжелую болезнь, участвует в заседании Общества защиты аборигенов. Дилк председательствует на этом собрании.

Напряженная серьезность Шёблума, его сухая, не пренебрегающая ни одной деталью и довольно педантичная манера выражаться оказывает большое воздействие на слушателей, и его свидетельство о массовых убийствах в Конго получает широкую огласку.

Развернувшаяся в прессе полемика принудила короля Леопольда II вмешаться лично. В июне и июле 1897 г. он посещает Лондон и Стокгольм, чтобы лично убедить королеву Викторию и короля Оскара II в безосновательности обвинений Шёблума.

В ответ на визит короля Леопольда в Стокгольм ведущие шведские газеты опубликовали объемные критические статьи о Конго. Большой успех возымел визит Леопольда в Лондон, где во всю мощь шли приготовления к празднованиям имперского юбилея; королева Виктория же была слишком занята своими делами, чтобы думать о нескольких корзинах отрезанных рук где-то в Конго.

Великие державы не имели особого желания заниматься проблемой Леопольдова геноцида, поскольку все они сами хранили такие же скелеты у себя в шкафах. Великобритания оказалась принуждена вмешаться лишь десятилетиями позже, когда деятельность общественного движения, названного Движением за реформы в Конго, сделала политически невозможным для правительства далее оставаться пассивным.

В сентябре же 1897 г., когда в журнале «Сенчери мэгэзин» (*The Century Magazine*) со всеми описываемыми там ужасами был опубликован дневник Глэйва – он не вызвал к себе никакого интереса. Никакого резонанса не получили и новые статьи Шёблума по проблеме. Полемика 1897 г. о Конго была предана забвению. Юбилейные торжества стерли память о ней.

В 1898 г. все новости о Конго имели исключительно положительную тональность, прежде всего в связи с открытием железной дороги между Матади и Леопольдвилем, освещавшимся в пространных публикациях различных иллюстрированных журналов. О том, сколько жизней стоила эта железная дорога, не было сказано ни слова.

29.

Так оставалось до тех пор, пока Королевское статистическое общество не собралось 13 декабря 1898 г. на свое очередное ежегодное заседание, на котором Леонард Кортни, председатель общества, сделал доклад по теме «эксперимента в торговой экспансии».¹⁹

Как частное лицо Король Леопольд II волею великих держав был сделан правителем над территорией, превышающей по площади всю Европу, с населением, по приблизительным оценкам, от 11 до 28 миллионов людей. В этом и был эксперимент. Опираясь на ряд бельгийских источников, Кортни описывает, насколько переплетены оказались административное управление и коммерческая эксплуатация в Конго. С помощью дневниковых записей Глэйва он свидетельствует о насилии, порожденном этой системой.

Вот дневниковая запись Глэйва, сделанная им в Стенли Фоллис («Внутренняя станция» в «Сердце тьмы»):

«Арабы на службе у Государства обязаны добывать слоновую кость и каучук и наделены правом использовать любые необходимые средства для обеспечения результата. А используют они те же самые средства, что были в ходу во времена оны, когда всем здесь заправлял Типпу Тип. Они устраивают набеги на деревни, захватывают рабов и возвращают их назад в обмен на слоновую кость. То есть Государство не пресекло рабства, но монополизировало его, вытеснив конкурентов из числа арабов.

Государственные солдаты постоянно воруют, а гонения на местных жителей иногда становятся настолько невыносимы, что те мстят своим мучителям, убивая и поедая их. Недавно государственная застава на Ломани потеряла двух человек, которых туземцы убили и съели. Чтобы наказать туземцев, был послан отряд арабов; они захватили в плен много женщин и детей и доставили в Фоллис 21 отрубленную голову, причем капитан Ром затем использовал эти головы для украшения клумб перед домом!»

Согласно отчету, опубликованному в «Сэтадей Ревью» (*Saturday Review*), Кортни передает слова Глэйва следующим образом:

«Бельгийцы заменили существовавшее до них рабство по меньшей мере столь же порочной системой принудительных работ. О том, как далеко некоторые бельгийцы могут зайти на пути варварства, англичанам, к сожалению, хорошо известно. М-р Кортни указал в этой связи на пример капитана Рома, украсившего свои клумбы отрубленными головами 21 туземца, что были убиты в ходе карательной экспедиции. Такова бельгийская идея наиболее эффективного способа продвижения цивилизации в Конго».

Возможно, Конрад уже читал дневник Глэйва, когда тот был опубликован в сентябре 1897 г. В таком случае ему еще раз об этом напомнили. Возможно, он уже почерпнул все эти сведения из дневника. Мы не знаем наверняка. Но определенно 17 декабря 1898 г. в своей любимой газете, «Сэтадей Ревью», Конрад вполне мог прочесть о том, чем капитан Ром украшал свой сад.

18 декабря 1898 г. Конрад начинает писать «Сердце тьмы», историю, в которой Марлоу, рассматривая в бинокль дом Куртца, вдруг видит эти головы – черные, иссохшие, с запавшими щеками и закрытыми глазами, – результат осуществленного девиза своего хозяина: «Уничтожьте всех дикарей».

В Ксар Марабтин

30.

Ин-Салах в действительности называется *Аин-Салах*, что значит «солёный источник» или буквально – «солёный глаз» (поскольку источник – это *глаз пустыни*).

Вода, которую сегодня берут с большой глубины, все равно солоновата на вкус и содержит 2,5 грамма сухого вещества на каждый литр, причем некоторые из этих литров оказываются совершенно мутными.

Годовой уровень осадков – 14 мм, но в действительности дождь идет раз в пять или десять лет. Зато обычным делом являются песчаные бури, особенно весной. В среднем на год приходится порядка 55 дней с песчаными бурями.

Лето очень жаркое. Температура достигает 56 градусов в тени. Зимы прежде всего отличаются разницей температур на солнце и в тени. Если камень лежит в тени – он слишком холоден, чтобы сидеть, если на солнце – слишком раскален.

Солнечный свет – как острый нож. Я задерживаю дыхание и прикрываю лицо ладонью, когда перехожу с одного островка тени на другой.

Лучшее время здесь – предзакатный час и час после захода солнца. Солнце наконец прекращает резать глаза, а приятное тепло остается – в теле, в вещах, в воздухе.

31.

Ин-Салах – один из редких африканских примеров культуры *фоггара*.²⁰ Считают, что слово *foggara* происходит от арабских слов «копать» и «бедный». Им обозначаются такого же рода подземные акведуки, что на персидском называются *kanats*, *канат*. Согласно арабским хроникам, некто Малик Эль Мансур в XI веке ввел *фоггара* в Северной Африке. Его сегодняшние наследники живут в Эль Мансуре в Туате и называют себя *бармака*. Они являются специалистами в проведении *фоггара*.

Фоггара бывают длиной от 3 до 10 км. Их общая протяженность по всей Сахаре достигает 3000 километров. В этих галереях можно было ходить не нагибаясь, иногда их высота достигала 8–10 метров. Глубина колодцев доходила до 40 метров, их всегда выкапывали рабы. Когда рабство отменили, оно сохранялось в этих тоннелях, правда, под другим названием.

Это своего рода шахтерский труд, хотя жила здесь не рудная, а водная. Работают небольшой шахтерской киркомотыгой с короткой ручкой. Ствол шахты на поверхности земли имеет площадь около 1 квадратного метра, а достигая пласта песчаника, сужается до 60 кв. см – как раз столько, чтобы можно было хоть как-нибудь орудовать киркой.

Отработанная почва вытаскивается помощниками наверх и высыпается вокруг скважины, так что на поверхности входы в фоггара выглядят как цепочки кротовин.

Когда колодец достигает водоносного слоя песчаника, начинается рытье тоннеля. Во мраке этих тоннелей копателю легко потерять ориентацию. Именно здесь проверяется его искусство.

На поверхности кажется, что фоггара идут совершенно прямо, но под землей они извилисты. Копать тоннель надо так, чтобы он соединился с тоннелем из другой шахты. Необходимо обеспечивать ему достаточный уклон для течения воды, точно рассчитывая при этом перепад высот на всю его протяженность.

Когда французы завоевали Ин-Салах – в канун Нового года на рубеже XIX и XX столетий, – фоггара уже начали иссыхать. Постепенно их заменили глубокими колодцами, но до сих пор, чтобы избежать выпаривания воды, ирригацию проводят лишь по ночам. Каждый, кто пользуется колодцем, имеет свою звезду: когда эта звезда восходит, это служит ему знаком,

что настал его черед пользоваться водой. Ожидаящие своей звезды проводят ночи у колодца. Их зовут «детьми звезд».

32.

Один из четырех кварталов в Ин-Салах называется Ксар Марабтин. Здесь мало интересного: земля, дома, небо – все одного пыльного цвета. Только могилы с их таинственными, побеленными *марабутами* многозначительно сияют в монохромно-пыльном цвете. Смерть – единственная праздничная вещь в жизни.

Толпы детей сидят на камнях с табличками на коленях и поют Коран. Проходящий мимо человек пинает ногой пустую плошку. Другой человек заснул в пыли, он спит с выброшенными вперед, как для объятий, руками и даже не слышит гремящей плошки, когда та катится мимо.

Гимнастический зал – одно огромное помещение с очень высокой крышей. В дальнем углу темная раздевалка и винтовая лестница, ведущая на балкон, где ты разогреваешься упражнениями со скакалкой или гимнастикой и смотришь вниз на зал.

Зал вполне соответствует своему предназначению, хотя несколько примитивен. Зеркал мало и они небольшие. Скамьи деревянные, не переносные. В оборудовании для поднятия тяжестей вместо стальной проволоки используются веревки, но, чтобы выдерживать тяжесть, веревки должны быть такими толстыми, что при опускании сила трения забирает работу мускул. Во всем же остальном – все как обычно, запах потных тел, звяканье металла, крики и стоны.

Я спускаюсь вниз, и мне везет: мне сразу передают штангу, узкую черную штангу с дисками.

Три раза по десять подъемов из-за головы, три раза по десять от подбородка и три раза по десять на бицепсах. Потом я оставляю штангу и беру только что освободившиеся гантели. Я с минуту стою с гантелями в руках и озираюсь по сторонам в поисках скамьи. Какой-то человек приглашает меня «присесть» на свою скамью, и мы делаем три раза по десять взмахов бабочкой, хотя его гантели вдвое тяжелее моих.

Трубы каркаса из черной стали образуют что-то вроде небольшой корзинки над моим лицом, пока я лежу на скамье и отжимаю вес. Мальчик десяти лет добавляет груз на штангу. Я помогаю ему, и мы чередуемся; он три раза по десять и я три раза по двадцать. После этого он выдыхается.

Высокий араб с белым шрамом на левой щеке предлагает мне удвоить груз. Теперь я отжимаю три раза по десять, а он три раза по двадцать. Он снова удваивает вес, и после этого уже выдыхаюсь я.

Иду дальше. У одного силового тренажера веревки несколько тоньше, что и вправду сокращает сопротивление – не только при движении вверх, но и вниз. Я делаю три подхода, отжимая вес по пятнадцать раз из-за головы. Здесь нет гребных тренажеров. Тренажеры для ног выглядят шаткими и опасными, так что к ним я не подхожу. Тут еще многое требует доработки.

Видения и грезы, посещавшие меня, когда я только начинал тренироваться, стали теперь редкими. Видения приходят в постели, не в гимнастическом зале. Но мысли мои проясняются. Может, это и не дает ничего нового. Но то, что я знаю, проступает отчетливей.

33.

«Севен!»

Усталый и довольный, я сижу на одной из низких скамей в «Ше Брахим», прихлебывая из стакана чая, заваренного свежей мятой.

Тренировка разминает застоявшиеся мозги, открывает поры, и после этого особенно приятно посидеть здесь, наблюдая прохожих.

«Севен! Севен!»

В Ин-Салах проживает двадцать пять тысяч обитателей, в основном черные. Некоторых из них я встречаю так часто, что мы начинаем кивать друг другу в знак приветствия. Тем не менее я точно очнулся, когда с удивлением понял, что «Севен», наверное, означает Свен.

Имя извлекает меня из моей анонимности, как будто из сна. Я недоверчиво озираюсь и замечаю радостного туринца, которого знаю по Алжиру. Он ездит из Турина в Камерун по несколько раз в год, и для него Сахара – лишь досадное дорожное затруднение.

Он только что начистил вазелином переднюю часть своего «мерседеса» и теперь хочет, чтобы я помог ему закапать глаза специальной жидкостью. Обе эти меры должны защитить чувствительные поверхности от разрушающего действия песка. Он умчится следующим же утром, будет ехать весь день, пока светло, а ночевать будет в машине.

«А можно с тобою?»

«Нет, – говорит он. – У тебя компьютер и чемодан слишком тяжелые. Если едешь в Там на машине, надо быть налегке».

Его ответ меня вполне устраивает. Сейчас работа с компьютерными данными, мои собственные «фогарра», привлекает меня больше, чем продолжение географических странствий.

Пока что я сумел доказать, что фраза «уничтожьте всех дикарей» связана с прерванными дебатами по Конго в 1896-97 гг., с тем особым вкладом, что внесли в них Дилк и Глейв.

Но у этой фразы есть и другая предыстория. Когда в 1898 году Джозеф Конрад писал о безработном капитане Марлоу, пытающемся устроиться шкипером в Африке, он основывался на воспоминаниях об осени 1889-го, когда он сам, безработный капитан Йозеф Конрад Корженёвский, тридцати одного года, хотел устроиться шкипером для работы на реке Конго.

Моя гипотеза состоит в том, что, если вы хотите понять «Сердце тьмы», вам надо увидеть связь между декабрем 1889 года и декабрем 1898-го.

Так что следующим утром я опять засаживаюсь за компьютер. С полотенцем на стуле, одетый лишь в тонкую китайскую майку и пару коротких китайских кальсон, я готов двигаться дальше.

Часть II

Боги оружия

«With the might as of a deity»³

34.

«Великим мировым событием» 1889 г. стало возвращение Стенли из трехлетней экспедиции вглубь Африки. Стенли спас от *дервишей* Эмин Пашу.²¹

«Дервишами» называли сторонников исламского движения, успешно противостоявшего англичанам в Судане. Так, в январе 1885 г. «махдисты»⁴, как их еще называли, захватили Хартум. Подкрепление, посланное для спасения осажденного генерала Гордона, опоздало на два дня. Это было самое унижительное поражение, которое Британская Империя потерпела в Африке.

Но в конце 1886 г. до Занзибара добрался курьер, доставивший сообщение о том, что один из губернаторов Гордона, Эмин Паша, все еще держит оборону в отдаленной провинции Судана и просит о помощи.

Правительство медлило в нерешительности, но ряд крупных компаний воспользовались ситуацией с Эмин Пашой как поводом для снаряжения экспедиции, главной задачей которой было превращение провинции Эмина в управляемую этими компаниями британскую колонию.

Стенли попросили принять на себя командование. Человек, спасший Ливингстона, должен был увенчать свою карьеру повторением бывшего подвига. «Д-р Эмин, я полагаю».

35.

Но, как и Гекльберри Финну, когда он спасал Джима, Стенли показалось слишком отправиться к Эмину напрямую и всего лишь доставить ему оружие и боеприпасы, о которых тот просил.

Вместо этого он повел экспедицию из Занзибара круглым путем через всю Африку к устью реки Конго, преодолел бурлящие водопады, достигнув судоходного участка реки в ее верховьях. Оттуда он надеялся суметь при помощи кораблей короля Леопольда и носильщиков охотника за рабами Типпу Типа доставить сотни тонн военного снаряжения из Конго в Судан через Итури, страшный «лес смерти», где еще не ступала нога белого человека.

Естественно, никаких кораблей он не нашел. Не было там и носильщиков. Стенли пришлось оставить большую часть экспедиционных сил в Конго и поспешить на помощь с передовым отрядом.

Стенли был выходцем из низов, коренастым, как мусорщик мускулистым, с испещренным морщинами лицом и покрытым шрамами телом. Своим заместителем он назначил элегантного молодого аристократа, майора Бартелота: мягкого, как шелк, и красивого, как душка-тенор, – но без какого бы то ни было африканского опыта. Почему?

Стенли презирал английский высший класс и оценивал себя в сравнении с ним. Возможно, он хотел увидеть, как джунгли сломают белоручку из высшего общества, как тот утра-

³ «Точно с божественной мощью» (англ.)

⁴ Махдисты – приверженцы «ал-Махди» («ведомый по пути Аллаха» – араб.), ожидаемого «восстановителя первоначального ислама и спасителя верных». Ал-Махдием объявил себя предводитель восстания в В. Судане в к. XIX в. Мухаммад б. Ахмад.

тит свои прекрасные манеры, свою непоколебимую самоуверенность, свое самообладание. Это бы выставило в лучшем свете дарования самого Стенли как человека и вождя.

И Бартелот действительно был сломлен. Оставленный в тылу руководить основными силами, он безуспешно пытался сохранить дисциплину, устраивая ужасные ежедневные порки. Его расизм расцвел пышным цветом, он оказался в изоляции. Его все больше ненавидели и в конце концов убили.

36.

Тем временем Стенли продолжал с трудом продвигаться вперед, борясь с удушающей жарой, стекающей с деревьев влагой, потом, насквозь пропитавшим одежду, муками голода, диареей, гниющими ранами и крысами, обгладывающими ступни спящих людей.

Обитатели джунглей были напуганы. Они отказывались торговать и наниматься в проводники. У Стенли не было времени на переговоры, так что оставалось одно – насилие. Чтобы добыть еды для своей экспедиции, он убивает безоружных людей, подстерегая их на пути на рынок, стреляет в детей, чтобы заполнить их каное.

Возможно, это было необходимо, чтобы добраться до места. Но было ли необходимо вообще добираться туда? Буквально все отговаривали Стенли от избранного им маршрута. Лишь его собственные амбиции толкали его на совершение невозможного, что в свою очередь сделало необходимым убийство – ради нескольких крокодиловых яиц или связки бананов.

Шэклтон, исследователь Южного полюса, не был столь тщеславным. Он не стал жертвовать жизнями и, подавив собственную гордыню, повернул назад. Стенли же продолжает продвигаться вперед, оставляя на своем пути горы трупов.

Одна из наиболее ужасающих сцен: за «дезертирство» Стенли приказывает повесить совсем юного носильщика. Носильщиков нанимали на отрезок пути, проходящий по сухой восточно-африканской саванне. Однако Стенли заставил их идти и дальше, вглубь этого девственного, пропитанного влажностью леса. Половина из них уже умерла. «Это всего лишь мальчик, голодный и тоскующий по далекому дому», – молят пощадить его остальные. Но Стенли непреклонен: «Если мы сейчас проявим хоть один признак слабости, эти черти моментально потеряют голову и набросятся на нас».

Возможно, в этом он был прав. Однако сам он сознательно загнал себя в такую ситуацию, выбраться из которой можно было только убивая.

Изнуренные и оголодавшие, измученные лихорадкой и гнойными инфекциями, спотыкающиеся на каждом шагу выжившие участники спасательной экспедиции наконец достигают берегов озера Альберт.

Сам Эмин приплывает на пароходе, чтобы встретить их. Он одет в сияющую белую униформу. Здоровье у него превосходно, он спокоен и полон сил. Он доставляет своим спасителям одежду, одеяла, мыло, табак и провизию. Непонятно только, кто кого здесь спасает?

37.

Махдисты не беспокоили удаленную провинцию Эмина в течение пяти лет. Но слухи об экспедиции Стенли вызывают их нападение. Стенли спешит обратно в Конго, чтобы подтянуть арьергард своей экспедиции. Махдисты сразу же захватывают всю провинцию, за исключением ее столицы, где еще сопротивляются люди Эмина.

Единственное, на что теперь остается надеяться, это что Стенли вернется-таки и предотвратит катастрофу, которую он же и спровоцировал. День за днем все с нетерпением ждут, когда прибудет Стенли со своими пулеметами, ружьями и амуницией.

Вместо этого Стенли в очередной раз появляется, едва держась на ногах и ведя за собой кучку дрожащих от лихорадки скелетообразных существ. Все оружие и амуницию они расте-

ряли и едва ли способны защитить самих себя, не говоря уже о том, чтобы одолеть десять тысяч визжащих от ярости дервишей.

Тем не менее Эмин хочет остаться. Он просит Стенли позволить ему вернуться в свою провинцию и попытаться защитить ее. Однако Стенли не может пойти на это. В этом случае его собственный провал станет более чем очевидным. Он не сумел доставить Эмину ничего из того, о чем тот просил, и только ухудшил его положение.

Но, прихватывая Эмина с собой и доставляя его к морю, пусть даже и против его воли, Стенли надеялся определить, какую именно новость станут телеграфировать агентства по всему миру: «Эмин спасен!» Эмин должен стать тем трофеем, который обернет поражение Стенли в его медийную победу.

Этот план сработал. И это стало единственным успехом во всей экспедиции – широкой публике был обеспечен повод для ликования.

Заниматься же проверкой частных в момент общего триумфа никому не интересно. Стенли очередной раз удалось сделать то, что никому не было по плечу. Этот факт отпечатался в сознании общественности. По крайней мере на короткий промежуток времени победа стала реальностью – не важно, чего она стоила и что на деле скрывала за собой.

38.

Когда безработный морской капитан Корженёвский, более нам известный как Джо-зеф Конрад, в ноябре 1889 г. прибыл в Брюссель на беседу с Альбером Тисом, директором *Société Belge du Haut-Congo*⁵, город был охвачен приступом стенлимании. Было известно, что Стенли находится на пути к побережью, но еще не достиг его.

⁵ Бельгийское общество Верхнего Конго (фр.)

Благородный Эмин Паша, как он выглядел в то время, когда все ждали его спасения.

Illustrated London News, November 30, 1889.

4 декабря, когда Стенли победоносно доставил Эмина в Багамойо, Конрад уже вернулся в Лондон. В течение нескольких недель пресса только и знала, что петь осанну великому герою цивилизации.

В январе 1890 г. Стенли прибывает в Каир, где пишет собственную версию истории экспедиции. Конрад же впервые за шестнадцать лет возвращается в Польшу и проводит два месяца в родной Казимировке.

Тем временем Стенли завершает «В дебрях Африки» (*In the Darkest Africa*) и возвращается в Европу.

20 апреля он прибывает в Брюссель, где его встречают овациями. На банкете, устроенном в его честь королем Леопольдом, все четыре угла приемной залы украшены цветочными пирамидами, из которых торчат сотни слоновьих бивней. Празднества длятся пять дней.

Конрад в это время возвращается из Польши. 29 апреля он появляется в Брюсселе, где все еще только и говорят что о чествованиях Стенли. После встречи с Альбером Тисом Конрад получает искомое место, и ему сразу же предписывается отбыть в Конго. Чтобы подготовиться к своему путешествию, Конрад едет в Лондон, где застает празднования в честь Стенли в самом разгаре.

Стенли прибыл в Дувр 26 апреля. Оттуда специальным поездом он отправляется в Лондон, где на вокзале его ожидает огромная толпа. 3 мая он выступает в присутствии членов королевской семьи в Сэнт-Джэймс Холле перед аудиторией в несколько тысяч человек. Он удостоивается почетных степеней Оксфорда и Кембриджа. Затем наступает черед многочисленных торжеств.

Конрад не присутствовал на всех них. 6 мая, когда Стенли принимала у себя королева Виктория, Конрад уже вернулся в Брюссель, а 10 мая он уже садится на корабль, отправляющийся в Африку.

39.

В какую Африку? Сама ситуация дает ответ – Конрад едет в Африку Стенли.

Стенли был на шестнадцать лет старше Конрада. Как и Конрад, он вырос без матери. Как и для Конрада, фигура благожелательного отца стала для него определяющей. Конраду было четырнадцать, когда Стенли нашел Ливингстона и стал всемирно известен. В пятнадцать Конрад, как и Стенли до него, сбежал на флот. Как и Стенли, Конрад изменил свое имя, родину и национальность.

Теперь же под аккомпанемент всех этих чествований, что до сих пор звучат в его ушах, он направляется в «Конго Стенли», не зная ничего о той темной реальности, что скрывается за легендой Стенли.

40.

28 июня 1890 г. (в тот самый день, когда Конрад отправился из Матади в устье Конго вверх по реке по направлению к Стенливиллю) «В дебрях Африки» Стенли вышла в свет.

Книга имела огромный успех, было продано 150 тыс. экземпляров. Но она привлекла не только благожелательный интерес. Чтобы защитить память сына от наговоров Стенли, отец Бартелота опубликовал его дневники. В течение осени все европейцы – участники экспедиции публикуют свои собственные версии того, что случилось. В ноябре-декабре 1890 г., когда тяжелобольной Конрад отлеживался в африканской деревне, английские газеты практически ежедневно печатали статьи за или против Стенли.

За время своего восьмимесячного пребывания в Африке Конрад обнаруживает, что реальность вопиющим образом разнится с той картиной, что живописалась в пафосных речах, услышанных им накануне своего отъезда. Когда он, больной и разочарованный, возвращается в Лондон в канун Нового, 1891-го, года, даже английское общественное мнение начинает меняться.

Дискуссия продолжается на протяжении всего 1891 г. Наиболее тщательное, детализированное и критическое представление проблемы было сделано Фоксом Бурном в его исследовании «Другая сторона экспедиции по спасению Эмина Паши» (1891). Когда все было сказано, то на историю Стенли и его экспедиции опустилось смущенное молчание.

41.

Уже в Африке, к своему смятению, Стенли обнаруживает, что человек, ради которого он пожертвовал столь многими жизнями, является вовсе не благородным пашой, но упрямым силезским евреем.

И если Стенли мог заставить Эмина присоединиться к возвращающейся экспедиции, то принудить его предстать перед публикой он был не в силах. Во время всего путешествия обратно к побережью Эмин в знак протеста хранил молчание. Во время приветственного банкета в Багамойо он незаметно для всех скрылся из-за стола и позднее был найден лежащим на мостовой под балконом со сломанным черепом. Его доставили в госпиталь, где он и оставался, пока Стенли переезжал с места на место со своей триумфальной процессией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.